

Центнер Мария Сергеевна

РУСИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1941-1956 ГГ.

Тема русизмов в языке германских военнопленных до сих пор подробно не изучалась в российской лингвистике. В данной статье рассматриваются русизмы в языке германских военнопленных, а также описываются исторические предпосылки их появления. Многие немецкие военнопленные понимали русский язык в той или иной степени, и, как следствие, в их языке возникали русизмы. Большинство исследуемых заимствований отражали лагерный быт военнопленных, носили характер русскоязычных вкраплений и практически не используются в современном немецком языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 168-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

все светлеет (Ю. Казаков) [Цит. по: Там же]. В подобных случаях отношения между значениями предикатов можно трактовать как в смысле (а), так и в смысле (б), причем не может быть признана единственно возможной ни одна из этих интерпретаций. Причины этой двойственности заключаются в двойственности самого предмета анализа. Описываемые или наблюдаемые реальные действия и состояния объективно находятся в отношениях частичной (нестрогой, слабой) одновременности. Однако в языковой интерпретации данного отношения присутствует имплицитность, которую бывает трудно отграничить от недифференцированного (неопределенно-временного) типа совмещенности действий в едином периоде времени [Там же, с. 254].

Явления постепенных переходов и размытых граней между дифференцированными и недифференцированными временными соотношениями не колеблют значимости данного различия. «Промежуточные случаи» лишь подтверждают полярную противоположность а) подчеркнутой одновременности или разновременности *В ту минуту, когда она выговаривала эти слова, она чувствовала, что они несправедливы...* [Цит. по: 3]; б) явного устранения актуальности данного различия. *Меньшов растерялся, а генерал начал его поучать: «Я вас под арест посажу, лишу награды, замараю ваши формуляры»* [Цит. по: Там же].

Как неопределенно-временные отношения, так и отношения «псевдоодновременности», несмотря на явления переходности, в целом противостоят дифференцированным отношениям одновременности/разновременности. При некоторых различиях между указанными типами недифференцированных временных отношений их объединяет общий признак неактуальности противопоставления одновременности/разновременности. Это означает, что актуальна лишь сопряженность предикатов (которым соответствуют либо разные действия-денотаты, либо разные аспекты единого денотата) в одном и том же временном периоде, представляющем «общую рамку» элементов таксисного отношения.

Список литературы

1. **Бондарко А. В.** Теория значения в системе функциональной грамматики на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
2. **Новиков Л. А.** Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
3. **Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис** / отв. ред. А. В. Бондарко. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 352 с.

ON THE QUESTION OF PSEUDO-SIMULTANEITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF THE THEORY OF FUNCTIONAL GRAMMAR)

Khandzhani Leila, Ph. D. in Philology
University of Guilan, Iran
Khanjani83@yahoo.com

The article deals with the pseudo-simultaneity in the Russian language on the basis of the theory of functional grammar. The scientific novelty of the work lies in the fact that it is the first attempt to analyze the taxis relations of pseudo-simultaneity based on the theory of functional grammar. The considered in this work examples are taken from the book of "Functional Grammar theory" [3].

Key words and phrases: functional grammar; taxis; pseudo-simultaneity; the Russian language.

УДК 8; 811.11-112:811.161.1

Тема русизмов в языке германских военнопленных до сих пор подробно не изучалась в российской лингвистике. В данной статье рассматриваются русизмы в языке германских военнопленных, а также описываются исторические предпосылки их появления. Многие немецкие военнопленные понимали русский язык в той или иной степени, и, как следствие, в их языке возникали русизмы. Большинство исследуемых заимствований отражали лагерный быт военнопленных, носили характер русскоязычных вкраплений и практически не используются в современном немецком языке.

Ключевые слова и фразы: русизм; заимствования; заимствованные слова из русского языка; освоение; военнопленные; немецкий язык; русский язык.

Центнер Мария Сергеевна

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (филиал) в г. Калуге
maria.zentner@hotmail.com

РУСИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1941-1956 ГГ.

Тема русизмов в среде германских военнопленных в 1941-1956 гг. до сих пор подробно не освещена в российской лингвистике. В российской науке этим вопросом занималась историк Н. В. Суржикова [1], в немецкой лингвистике – И. Остманн [13]. В этой статье сначала будут рассмотрены исторические предпосылки

появления русизмов в среде германских военнопленных. Далее мы приведём примеры таких русизмов и рассмотрим предложенные исследователями лексические классификации по данной теме, и затем более подробно опишем некоторые русизмы, которые представляют определённый лексический интерес.

Цель данной статьи – максимально полно описать русизмы в немецком языке военнопленных.

Многие немецкие военнопленные понимали по-русски отдельные слова, а некоторым удавалось в той или иной степени овладеть русским языком, и, как следствие, в немецком языке военнопленных возникли русизмы из их лагерного быта и жизни в СССР.

По официальным статистическим данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., советскими подразделениями с 22 июня 1941 г. по июль 1945 г. были взяты в плен 2 389 560 германских военнослужащих, из них в плену умерли 356 678 [2, с. 5]. Согласно немецким источникам, в плену в СССР находились примерно 3,15 миллионов немцев, из которых около 1,1-1,3 миллиона не пережили плена [Там же]. Последние военнопленные возвратились на родину только в 1956 г. [13, S. 173].

Впечатления бывших военнопленных оказали влияние на общую стереотипную картину о России в представлении немецкого народа. О пребывании в советском плену вспоминают многие бывшие германские солдаты и офицеры. Мемуары и автобиографические романы таких авторов, как Х. Г. Конзалик [12], О. Рюле [14], В. фон Зейдлиц [15], и других участников тех событий являются важными историческими источниками по данной теме. О немцах в советском плену написаны многочисленные статьи и книги, сняты художественные и документальные фильмы как в России, так и в Германии.

Некоторые немецкие военнопленные до попадания в плен уже владели в той или иной степени русским языком. Во время Второй мировой войны в Германии издавались русско-немецкие разговорники. Они предназначались не только для военных, некоторые из них были составлены специально для инженеров, домохозяек, фермеров и прочих, чтобы можно было общаться с советскими людьми, которых угоняли в Германию на работы [13, S. 173]. Среди советских военнопленных велась активная агитация в пользу сотрудничества с немцами. Знание русского языка позволяло налаживать контакты с русскоязычным населением, а также узнавать различные данные. Как известно, к 1945 г. историческая ситуация изменилась.

Немецкие военнопленные жили в лагерях практически на всей европейской территории СССР и в Сибири. Во многих лагерях немцы содержались вместе с советскими гражданами, побывавшими в немецком плену, а также с лицами других национальностей. В некоторых лагерях руководство не приветствовало изучение военнопленными русского языка: боялись, что таким пленным будет проще сбежать. Однако по объективным причинам оградить военнопленных от общения с русскими было сложно: они контактировали не только с другими заключёнными, лагерным персоналом и охраной, но и с гражданским населением за пределами лагерей. В качестве иллюстрации приведём отрывок из документального сборника, где описаны события того времени:

(1) *«Der Anfang war für mich sehr schwierig, weil ich kein Russisch sprach. Ich lernte es notgedrungen sehr schnell. In unserem Lager waren ungefähr 5.000 Mann, davon sechzig Deutsche. Leider sah ich kaum noch deutsche Kameraden <...>. Ich war übrigens als einziger Deutscher in meiner Baracke»* [6, S. 130]. / *«Вначале мне было очень тяжело, т.к. я не говорил по-русски. Но его пришлось поневоле быстро выучить. В нашем лагере находились около 5000 мужчин, среди них 60 немцев. <...> К сожалению, я практически не видел немецких товарищей. К слову, я был единственным немцем в своём бараке».*

В таких условиях многие военнопленные довольно быстро начинали говорить по-русски. Но далеко не все, кто-то надеялся, что скоро попадёт домой, у кого-то было отторжение всего русского как культуры народа-победителя. Военнопленные, которые были в относительно удовлетворительном положении или имели более интересную работу, проявляли больший интерес к русскому языку.

Ситуация такого социального взаимодействия способствовала возникновению языковых контактов, которые привели к появлению в разговорной речи немецких военнопленных русских языковых вкраплений. Немецкий язык военнопленных оказался полем активного словотворчества, где возникали словообразования, которые можно квалифицировать как окказионализмы и неологизмы того времени, как правило, не зафиксированные в словарях.

Знание русского языка или хотя бы основных слов было большим преимуществом для военнопленных: можно было пожаловаться начальству, попросить другую работу, прочитать вывески и указатели. Военнопленный, владеющий в той или иной степени русским языком, мог быть назначен на более выгодную должность, получить работу получше. Проиллюстрируем процесс распределения немцев на различные виды работ отрывком из мемуаров:

(2) *«[...] vor der Eintragung der Arbeitsgruppe durch die Ärztin wurde die Frage nach der Tätigkeit gestellt. In diesem Augenblick bedauerte ich, nicht besser Russisch zu können. Ich war damals Bauarbeiter und hatte der Ärztin nur ein einziges russisches Wort nennen können. Es war vielleicht das Schicksalswort: **Lapatka** – die Schaufel»* [4, S. 174]. / *«...прежде чем нас поделили на рабочие группы, врач спросила о нашей деятельности. В этот момент я пожалел, что не мог изъясняться по-русски лучше. Тогда я был строителем и смог сказать врачу одно единственное слово. Возможно, это слово было судьбоносным: **Lapatka** – лопата».*

В данном тексте наблюдается русскоязычное вкрапление *Lapatka*.

Далее отметим ещё один исторический момент: после Второй мировой войны территория Германии была разделена на два отдельных государства – Федеративную Республику Германию (ФРГ) и Германскую Демократическую Республику (ГДР), которая официально возникла в 1949 г. ГДР фактически находилась

под влиянием СССР. Во время существования ГДР в немецкий язык проникли в числе прочих такие русизмы, как *die Agitprop* – агитпроп (обиходное название агитации и пропаганды) [7, S. 56], *der Bolschewik* – большевик [Ibidem, S. 212], *dawai* – давай [Ibidem, S. 296], *der Graschdanin* – гражданин [Ibidem, S. 525], *der Gulag* – Гулаг (Главное управление исправительно-трудовых лагерей) [Ibidem, S. 531], *die Kalaschnikow* – автомат Калашникова [Ibidem, S. 679], *die Kolchose* – колхоз [Ibidem, S. 724], *kollektivieren* – коллективизировать [Ibidem, S. 726], *das Kombinat* – комбинат [Ibidem, S. 730], *der Komsomol* – комсомол [Ibidem, S. 740], *der Kulak* – кулак (зажиточный крестьянин) [Ibidem, S. 780], *der Leninismus* – ленинизм [Ibidem, S. 803], *der Mechanisator* – механизатор [Ibidem, S. 860], *die Miliz* – милиция [Ibidem, S. 883], *der Milizionär* – милиционер [Ibidem, S. 883], *die Oblast* – область [Ibidem, S. 949], *das Politbüro* – политбюро [Ibidem, S. 1069], *die Sowchose* – совхоз [Ibidem, S. 1265], *der Sowjet* – совет [Ibidem, S. 1265], *sowjetisch* – советский [Ibidem, S. 1265], *der Towarischtsch* – товарищ [Ibidem, S. 1361] и др. Возможно, некоторые из этих слов «привезли» с собой бывшие военнопленные. Вообще, установить конкретный корпус русизмов, которые были присущи исключительно немецким военнопленным, представляется довольно сложной задачей.

В одном из своих исследований историк Н. В. Суржикова собрала ряд русизмов из немецкого языка военнопленных: *Natschalnik*, *Kascha*, *Domoi*, *Dawai*, *Ruki werch*, *Chleb*, *Kolchose-Sowchose*, *Spezialist*, *Brigadire*, *Kartoschki*, *Da*, *Net*, *Tschai*, *Dokument*, *Stolowaja*, *Raboti dawai*, *Ja ne ponimaju*, *Zapzerap*, *Fufaika=Gimnastjorka*, *Walenki*, *Machorka*, *Paschalsta*, *Spasibo*, *Plenni*, *Ukaz*, *Stachanowtschik*, *Chleboreska*, *Kuchnja*, ... *twoju mati*, *Kapustasup*, *Kuschat*, *Tscho Eto*, *Idi Sjuda*, *Saprali*, *Potschemu*, *Stoi*, *Kuda* [1, с. 135-136].

И. Остман были собраны отчасти другие русизмы из лагерной жизни военнопленных: *Banja*, *Blatnoj*, *Chleb / Kleb / Klepp*, *Cholod*, *Dawaj!*, *Golod*, *Kascha f. / Kasch m.*, *Klopfer*, *Kommissionierung*, *Komisowka*, *Machorka*, *Narjad*, *nitschewo*, *Njet*, *Pajok*, *Papiroso*, *Plenny / Plennyj*, *poscholl!*, *Schapka*, *Steppe*, *Stolowaja*, *Stukatsch (Stukatschi Pl.)*, *stoj!*, *Stupaj!*, *T-34*, *Taiga*, *Tschaj*, *Ubornaja*, *Wojna-Plenny* [13, S. 175-177]. В языке военнопленных присутствовал также русский мат [Ibidem, S. 177].

Различие набора русизмов у разных исследователей объясняется неоднородностью изучаемого материала: военнопленных было очень много, они содержались в разных лагерях. Естественно, в каждом лагере были свои особенности, где-то немцы содержались вместе с русскими, где-то отдельно, многие русизмы были общими, но в разных социальных общностях были и свои собственные заимствованные слова.

Н. В. Суржикова пишет, что «наиболее «популярными» являлись лексические единицы, по своему смысловому значению составляющие совокупность слов и выражений на тему питания и связанных с ним факторов. <...> Вторую по повторяемости группу русизмов образуют языковые единицы типа «начальник», «специалист», «бригадир», «стахановец», «колхоз», «совхоз» и им подобные, чья доля в общей совокупности вкраплений составляет более 25%. <...> Тройку «лидеров» замыкает группа русизмов нормативно-командной окраски. Сюда мы отнесли приказы и распоряжения, которым была подчинена организация повседневной жизни пленных» [1, с. 136].

И. Остман также разработала в своём исследовании лексическую классификацию русизмов того периода, где разбила их по группам согласно общему смысловому значению. Поскольку публикации на русском языке у автора нами не найдены, мы приведём здесь перевод этой подробной классификации. Итак, согласно И. Остман, русизмы можно разбить на следующий группы:

Описание лагерного персонала: *der Natschalnik* (начальник).

Описание других заключённых: *der Blatnoj* (блатной), *der Stukatsch / Stukatschi (Pl.)* – стукач, а также калька этого слова – *der Klopfer*.

Структура лагеря: *die Stolowaja* (столовая), *die Banja* (баня).

Гигиена: *die Ubornaja* (уборная).

Распорядок лагеря: *die Komissionierung / die Komisowka* (комиссовка – освобождение заключённого от тяжёлых работ по состоянию здоровья на основании заключения медицинской комиссии).

Работа: *der Narjad* (наряд).

Климат и природа: *die Taiga* (тайга), *die Steppe* (степь), *der Cholod* (холод).

Еда: *die Kascha / der Kasch* (каша), *Chleb / Kleb / Klepp* (хлеб), *der Pajok* (паёк), *der Tschaj* (чай).

Одежда: *die Schapka* (шапка).

Разговорные выражения: *Dawai!* (Давай!), *Poscholl!* (Пошёл!), *Stupai!* (Ступай!), *stoi!* (Стой!), *Njet* (нет), *nitschewo* (ничего).

Военные выражения: *T-34* (Т-34, советский танк).

Самоназвания: *der Plenny / Plennyj* (пленный), *der Wojna-Plenny* (военнопленный) [13, S. 175-177].

Таким образом, мы видим, что практически все русизмы в немецком языке военнопленных отражали их лагерную жизнь. Большинство таких русизмов не входят в современные словари иностранных слов немецкого языка.

Отметим, что исполнение команд «Давай!», «Стой!», «Пошёл!» и др. было доведено до автоматизма, поскольку их смысл передавался не только за счет языковых средств. Особое значение в данной ситуации имела громкость, интонация, а также мимика и жесты, что можно назвать экстралингвистическими компонентами общения. Именно эти три слова: *stoi* [7, S. 1289], *dawai* [Ibidem, S. 296], *poscholl* [Ibidem, S. 1008] (стой, давай, пошёл), выраженные глаголами в повелительном наклонении второго лица («стой» от «стоять», «давай» от «давать») и глаголом прошедшего времени единственного числа мужского рода («пошёл» от «идти»), остались в немецком языке и попали в современные словари. Данные заимствования представляют

собой в немецком языке устойчивую неизменяемую форму и выражают приказы, побуждающие к незамедлительному действию, их можно отнести к грамматической категории междометия.

Интересными с морфологической точки зрения представляются русизмы *der Wojna-Plenny* (война + пленный, т.е. военнопленный) и *Kapustasup* (капуста + суп, т.е. капустный суп), здесь видно, как немцы образуют слово из чужих основ по принципу своего родного языка, наподобие слов *der Hausmeister* (завхоз, домоправитель) от нем. *Haus* (дом) + *Meister* (мастер) или *die Landstraße* (просёлочная дорога) от *Land* (земля) + *Straße* (дорога, улица), где исходные имена существительные сложносоставного слова находятся в начальной форме и соединяются без соединительного элемента.

Отдельно рассмотрим русизм *Iwan* (Иван). «*Iwan der*; -[s], -s <nach dem russ. männlichen Vornamen Iwan>: (scherzh., oft abwertend) russ. Soldat, Russe» [7, с. 662]. / («*der Iwan* <от русск. мужского имени Иван>: (шутливо, часто уничижительно) русский солдат, русский»). Данное слово в немецком языке имеет выраженную эмоциональную окраску и было заимствовано во время Второй мировой войны. Так, в Германии в 2007 г. была издана книга о тех временах «*Spasibo Iwan – Danke Soldat: Seltene Erlebnisse hinter der Ostfront und in russischer Gefangenschaft (Sammlung der Zeitzeugen)*» [3]. / «*Спасибо, Иван – спасибо, солдат: редкие случаи за восточным фронтом и в русском плену (собрание воспоминаний современников)*». Отметим, что такое явление, когда имя собственное становится нарицательным и обозначает уже широкий круг лиц, известно многим языкам. Сходным образом во время Великой Отечественной войны русские называли немецких солдат «фрицами» (от популярного в то время немецкого имени Фриц (*Fritz*), которое может также использоваться в качестве уменьшительного от Фридрих): «*Четвертый год нам нет житья от этих фрицев*» [8], – строчка из широко известной песни «Последний бой» М. И. Ножкина. В современном английском языке также присутствует такое явление: слово из канадского английского *lumberjack* (дровосек) образовано от двух основ – *lumber* (дерево) и *Jack* (Джек, популярное мужское имя), иногда словом *jack* (от Джек) называли рабочих или солдат [10].

Среди русизмов в языке военнопленных наблюдаются и более ранние заимствования. Здесь мы приведём наиболее давние примеры их употребления в литературе. Так, *die Kascha* (каша) употребляется в тексте 1794 г.:

(3) «*So wenig anlockend seine Tafel verwöhntern Gaumen seyn mag, so gewiß ist es doch, daß der gemeine Russe, wenn er nicht in den Hotels der Residenz erzogen ist, die feinsten Schüsseln verschmähen wird, um sich an seinem Schtschi und seiner Kascha zu sättigen*» [17, S. 379]. / «*Насколько малопривлекательным будет русский стол человеку с избалованным желудком, настолько это и понятно, т.к. обыкновенный русский, если он не воспитывался в гостиницах при резиденции, с отвращением отвергнет самые изысканные блюда, чтобы наестся своими щами и кашей*».

Или, например, русизм *die Steppe* (степь) также встречается в немецкой литературе гораздо раньше, текст 1784 г.:

(4) «*Sie halten sich aufs höchste nur 4 Monate in der Steppe auf, und bewohnen die übrige Zeit des Jahres eines der angenehmsten Länder*» [5, S. 394]. / «*Они задерживались в степи самое большее на 4 месяца, проводя остальное время года в более приятных землях*».

В немецком языке военнопленных наблюдаются также кальки с русского языка: *der Schwarzarbeiter* (чернорабочий) и *der Klopfer* (стукач). Слово *der Schwarzarbeiter* образовано по принципу русского *чернорабочий*, от нем. *schwarz* – чёрный – и *der Arbeiter* – рабочий. Данное слово существует и в современном немецком языке, но в значении *нелегально работающий*:

(5) «*Die Jobcenter haben im vergangenen Jahr deutlich mehr potentielle Schwarzarbeiter unter Arbeitslosen erwischt*» [9]. / «*В прошлом году центры занятости выявили значительно больше потенциальных нелегально работающих среди безработных*».

Калька русского лагерного жаргонизма *стукач* – *der Klopfer* – образована от нем. *klopfen* – стучать. В современном немецком языке данное значение слова не сохранилось. Слово *der Klopfer* существует, но в иных значениях: *выбивалка* (для ковров), *дверное кольцо* (которым стучат, чтобы открыли), *колотушка* и *стучащий* (в дверь):

(6) «*Die schweren grünen Holztüren mit den eisernen Klopfern in den Mauern, die Häuser und Gärten ringsum einschließen, öffnen sich keinem Fremden einem Ausländer schon gar nicht*» [11]. / «*Тяжёлые зелёные деревянные двери с железными колотушками на стенах, которые были в домах и садах, никогда не откроются чужаку, а иностранцу тем более*».

(7) «*Der Klopfer, der danach minutenlang klingelt, was ich natürlich auch nicht höre, beginnt nun zu rufen und wirft schließlich Steine gegen die Fenster*» [16]. / «*Стучащий, который затем несколько минут звонит, что я, конечно же, не слышу, начинает орать и в конце концов бросает камни в окна*».

Таким образом, мы видим, что в немецком языке военнопленных возникли русизмы из лагерного быта их жизни в СССР, которые практически не закрепились в немецком языке в Германии. Некоторые русизмы уже присутствовали в немецком языке, что находит подтверждение в довоенной литературе. В целом русские языковые вкрапления в разговорной речи германских военнопленных носили поверхностный характер, будучи своего рода вторжением извне. Языковые контакты, которые были налажены между русскоязычным населением и германскими военнопленными, вряд ли можно считать массовыми. Шансов превратиться в полноценные иноязычные заимствования у рассмотренных нами русизмов было не много, поскольку для закрепления заимствований в языке обычно требуется длительный период времени, и, кроме того, многие из них имели свои аналоги в немецком языке.

Данная статья также показывает, как быстро забывается иностранный язык при отсутствии интереса со стороны говорящего.

Список литературы

1. Суржикова Н. В. Русские языковые вкрапления в речи немецко-говорящих военнопленных второй мировой войны / Aus Sibirien – 2005. Научно-информационный сборник. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 134-137.
2. Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2006. № 1. С. 5.
3. Abel W. Spasibo Iwan – Danke Soldat: Seltene Erlebnisse hinter der Ostfront und in russischer Gefangenschaft (Sammlung der Zeitzeugen). Jürgen Kleindienst (Herausgeber). Berlin: Zeitgut Verlag GmbH, 2007. 116 S.
4. Berthold E. Kriegsgefangene im Osten. Bilder. Briefe. Berichte. Königstein –Ts.: Athenäum 1981, 211 S.
5. Bruce P. H. Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officiers in Preußischen, Russischen und Großbritannischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Rußland, die Tartarey, Türkei, Westindien u. s. f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Rußland. Leipzig: Junius, 1784. 548 S.
6. Donga-Sylvester E., Czernetzky G., Toma H. «Ihr verreckt hier bei ehrlicher Arbeit!»: Deutsche im Gulag 1936-1956: Anthologie des Erinnerns. Graz – Stuttgart: Leopold Stocker Verlag, 2000. 368 S.
7. Duden: Das große Fremdwörterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 1548 S.
8. <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=posledn2> (дата обращения: 16.05.2016).
9. <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/arbeitslose-jobcenter-ertappen-mehr-schwarzarbeiter-a-770935.html> (дата обращения: 28.04.2016).
10. <http://www.worldwidewords.org/qa/qa-jac3.htm> (дата обращения: 16.05.2016).
11. <http://www.zeit.de/1956/39/asphaltpracht-durch-moskaur-hilfe/komplettansicht> (дата обращения: 28.04.2016).
12. Kosalik H. G. Der Arzt von Stalingrad. München: Lichtenberg Verlag, 1992. 362 S.
13. Ostmann I. Russizismen in der deutschen Sprache. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 329 S.
14. Rühle O. Genesung in Jelabuga. Kessel Stalingrad – Antifa-Schule für ein neues Deutschland, Autobiographischer Bericht. Berlin: Verlag der Nation, 1968. 500 S.
15. Seydlitz W. v. Stalingrad – Konflikt und Konsequenz. Oldenburg – Hamburg: Verlag Gerhard Stalling, 1977. 386 S.
16. Siebeek W. Eine störende Beruhigung [Электронный ресурс] // Die Zeit Nr. 1973. 21 September. № 73. URL: <http://www.zeit.de/1973/39/eine-stoerende-beruhigung> (дата обращения: 28.04.2016).
17. Storch H. F. Gemälde von St. Petersburg. Bd. 2. Riga: Hartknoch, 1794. 549 S.

RUSSISMS IN THE LANGUAGE OF THE GERMAN PRISONERS OF WAR IN 1941-1956

Tsentner Mariya Sergeevna

Tsiolkovsky Kaluga State University

Research Associate in Social Technologies Scientific Centre of the RANEPa

(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) in Kaluga

maria.zentner@hotmail.com

The theme of Russisms in the language of the German prisoners of war has not been fully investigated in the Russian linguistics yet. This article considers Russisms in the language of the German prisoners of war and describes the historical background of their appearance. A lot of German prisoners of war could understand Russian to some extent and, as a result, some Russisms appeared in their language. The majority of the borrowings under study reflected everyday life in the prison camp, they were fragmental inclusions from the Russian language and are not practically used in the modern German language.

Key words and phrases: Russism; borrowings; borrowings from Russian; assimilation; prisoners of war; German language; Russian language.

УДК 8; 81-112.2

Целью статьи является рассмотрение одного из видов творческого преобразования фразеологических единиц (ФЕ) – ремотивации, заключающейся в обыгрывании буквального значения словосочетания, ставшего основой ФЕ, и фразеологического значения, которое это словосочетание получило в результате переосмысления. Объектом исследования послужили 150 контекстов индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов в каждом из XVIII и XX веков. Особое внимание обращается на тот факт, что ремотивация включена в процесс языкового развития как одна из его ступеней, чем и объясняется разница в количественных показателях ремотивированных ФЕ.

Ключевые слова и фразы: ремотивация; внутренняя форма; фразеологическая креативность; прототип; демотивация.

Шевелева Ирина Александровна

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

forgetmenot69@rambler.ru

РЕМОТИВАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Одним из центральных понятий лингвистики середины XX – начала XXI века И. В. Зыкова называет креативность [9, с. 80]. Креативность получает различное проявление в языке в зависимости от типа языковой